

Научная статья
УДК 81'36=512.31
DOI 10.18101/2686-7095-2023-3-33-40

КОМБИНАТОРИКА БУРЯТСКИХ ГЛАГОЛОВ ЭМОЦИИ И СИНТАКСИЧЕСКОЕ ВЫРАЖЕНИЕ СТИМУЛА

© Даржаева Надежда Баировна

доктор филологических наук, ведущий научный сотрудник,
Институт монголоведения, буддологии и тибетологии Сибирского
отделения Российской академии наук (ИМБТ СО РАН)
670047, Россия, г. Улан-Удэ, ул. Сахьяновой, 6
dnadezhda@mail.ru

Аннотация. В статье впервые представляются результаты специального изучения комбинаторики бурятских глаголов эмоции и синтаксического выражения валентности стимула эмоциональной реакции. Целью исследования является выявление моделей управления у глаголов эмоции на уровне сложного предложения и их сочетаемости с развернутыми формами Стимула-события. Для достижения этой цели решались следующие задачи: на основе корпусных данных пронаблюдать комбинаторику основных семантических типов эмотивных глаголов, установить типы бипредикативных конструкций, главным предикатом в которых выступают эти глаголы, а также зависимость их комбинаторики от семантических свойств. Автор придерживается концепции, согласно которой стимулом эмоции выступает Событие, а не Каузатор. В ходе исследования применяются методы корпусного анализа, лингвистическое наблюдение, описание, методы контекстного и компонентного анализа. В результате исследования разграничены два типа Стимулов: событийного и информационного характера. Для групп глаголов положительной и отрицательной эмоции, а также страха описан предпочтительный круг бипредикативных конструкций, выполняющих роль Стимула-события. Предпочтительная комбинаторика обусловливается семантическими характеристиками как глагола эмоции, так и самих конструкций. Статистическая картина сочетаемости глаголов эмоции отражена в табличной форме. Предпринятое исследование послужит толчком как для дальнейшего изучения комбинаторных свойств у более широкого круга эмотивных глаголов, так и для включения в анализ свернутых форм Стимула-имени.

Ключевые слова: бурятский синтаксис, эмотивные глаголы, Стимул-событие, Стимул-информация, комбинаторика глаголов эмоции, валентность глаголов эмоции.

Благодарности

Работа выполнена в рамках государственного задания (Мир человека в монгольских языках: анализ средств выражения эмотивности, № 121031000258-9).

Для цитирования

Даржаева Н. Б. Комбинаторика бурятских глаголов эмоции и синтаксическое выражение стимула // Вестник Бурятского государственного университета. Филология. 2023. Вып. 3. С. 33–40.

Введение

Данная статья является продолжением серии статей, посвященных исследованиям валентностных характеристик бурятских глаголов [2, 3, 4]. Комбинаторика и валентность глаголов, называющих эмоции, в бурятоведении специально не

изучались; имеющиеся исследования посвящены структуре и семантике сложных эмотивных конструкций [11], причастно-падежных [8] и с аналитическими скрепами [9]. Однако Е. К. Скрибник в последней статье предпринимает попытку описания комбинаторики глагола *ай-* ‘бояться’ на основе корпусных данных и ее объяснения семантическими свойствами этого глагола [9, с. 40–41].

В этой статье будет проведен корпусный анализ комбинаторных и валентностных характеристик глаголов эмоциональной реакции и описаны синтаксические формы выражения Стимула на уровне полипредикации. В отечественной лингвистике модель управления глаголов эмоции (на примере *бояться*) впервые исследуется в работе А. Зализняк «Многозначность в языке и способы ее представления» [5, с. 84–86]. Другой значительной работой является статья В. Ю. Апресян, в которой автор поднимает вопрос «о семантической обоснованности единой роли стимула для всех эмотивных глаголов и о семантических сдвигах, которые она претерпевает при разном синтаксическом выражении» [1, с. 32–33]. Разнообразии синтаксического выражения Стимула автор объясняет тем, что эта роль семантически неоднородна — это могут быть одушевленные существа, неживые объекты, знание фактов, мнения и предположения и пр., отсюда и разнообразие синтаксического выражения. Учитывая данные нейрофизиологии, различия в физиологических проявлениях и поведенческих реакциях, В. Ю. Апресян приходит к следующему выводу: «различие психологической и физиологической природы разных эмоций настолько велико, что это осознается и отражается языком, в том числе на уровне синтаксиса» [1, с. 31–32]. О соотношении термина «стимул» с другими терминами В. С. Храковский пишет, что «...можно считать, что термин «стимул» включает в себя и термин «причина» и термин «условие» в их стандартном употреблении» [10, с. 118].

Объектом нашего исследования являются основные кластеры эмоций, таких как радость, гнев и страх, представленных глаголами, выражающими различной интенсивности и характера протекания страх и гнев (*ай-* ‘бояться’, *сошо-* ‘испугаться’, *мууда-* ‘расстроиться’, *сухалда-* ‘сердиться’, *уурла-* ‘злиться’, *хоролхо-* ‘злиться’), а также положительные эмоции (*баяса-* ‘радоваться’, *баярла-* ‘радоваться’, *урмаша-* ‘быть в хорошем настроении’). Нами рассмотрены только глаголы в активном залоге как сказуемые сложного предложения со значением эмоциональной реакции. Материалом исследования послужили примеры полипредикативных предложений из художественных произведений бурятских авторов, размещенных в электронном Бурятском корпусе (БК).

Стимул эмоциональной реакции — это обычно некоторое событие или положение вещей, послужившее причиной возникновения и проявления той или иной эмоции у Экспериенцера. Он может выражаться в развернутом виде, предикативной единицей или номинализацией, представляющей данное событие или ситуацию (*Я рад тому, что ты приехал / твоему приезду*). Стимул может выражаться и в свернутом виде, именем лица (реже предмета) в простом предложении. В бурятском языке стандартное падежное оформление Стимула (выраженного как именем, так и предикативной единицей) — это дательный падеж для всех глаголов эмоции за исключением глаголов типа *бояться*, с которыми используется исходный падеж. Сравним с русским языком, где для Стимула невозможно сформулировать стандартный способ синтаксического выражения; ср.

бояться экзамена, радоваться солнышку, обижаться на подругу, расстраиваться из-за двойки, гордиться успехами и пр. [1, с. 31].

Мы разделяем точку зрения, что эмоции в принципе вызываются не лицами или объектами, а событиями или ситуациями, независимо от формы их представления, ср. “Существует концепция, что каузирует всегда ситуация, а не каузатор” ([6, с. 42] со ссылкой на [7]). В нашем исследовании мы различаем Стимул-событие и Стимул-информацию, который представляет «как бы внутреннюю прямую речь, описывающую не столько событие-стимул, сколько некоторую его переработку в сознании» [9, с. 39].

Итак, сначала рассмотрим развернутые синтаксические формы Стимула-события, представленные причастно-падежными и деепричастными конструкциями, затем развернутые синтаксические формы Стимула-информации, представленные бифинитными конструкциями со скрепой *гэжэ* от глагола речи *гэ* ‘говорить, сказать’.

1. Развернутые формы Стимула

1.1. Стимул-событие

Как уже говорилось выше, развернутые формы Стимула представлены конструкциями с инфинитными формами сказуемого в зависимой части: причастно-падежные конструкции с причастием будущего (1) и прошедшего (2) времени в дательном-местном падеже, а также конструкции с соединительным и разделительным деепричастиями на *-жа* (3) и *-Аад* (4):

(1) *Кузнецов-ой шигэ-жэ үнэн сэдхэл-һээ хөөрэ-хэ-дэ,*
К.-gen прох-сvb честный душа-abl рассказывать-рс.fut-dat
үбгэн угаа баярла-ба

старик очень радоваться-pst[3sg/pl]

‘Когда Кузнецов рассказал вот так, от чистой души, старик очень обрадовался’ (БК)

(2) *Гэр-тэ-мни таби-һан-да-тнай ехэ*
дом-dat-poss1sg отпускать-рс.pst-dat-poss2pl очень
баяс-аа һэ-м
радоваться-рс.prs pcl-1sg

‘Я очень обрадовался тому, что вы отпустили меня домой’ (БК)

(3) *...гансааран үлэ-шэ-һэн-өө ойлго-жо,*
один оставаться-intens-рс.pst-refl понять-cvb
сошо-жо аба-ба
испугаться-cvb aux-pst[3sg/pl]

‘Поняв, что остался один, испугался’ (БК)

(4) *Дарима тухай унш-аад, тон ехээр баярла-ба*
Д. рстp читать-cvb pcl много радоваться-pst[3sg/pl]

‘Прочитав про Дариму, очень сильно обрадовался’ (БК)

Во всех случаях, кроме причастия прошедшего времени, зависимые предикативные единицы, содержащие Стимул-событие, примыкают к эмотивной главной предикативной единице. В конструкции с причастием прошедшего времени эмотивный глагол управляет формой дательного-местного падежа.

Естественно ожидать, что глаголы гнева чаще управляют отрицательными эквивалентами указанных конструкций, например:

(5) *Абар-жа* *шад-аа-гүй-д-өө* *досоо-нь*
 спасать-cvb аух-рс.прс-нег-дат-рефл внутри-poss3
мууда-ба

расстраиваться-pst[3sg/pl]

‘(Он) расстроился тому, что не смог спасти’ (БК)

Предстоящие события не только пугают (глагол длительного страха *ай-* ‘бояться’ управляет причастием будущего времени в исходном падеже, см. пример 6), но и радуют, правда, гораздо реже (зависимая часть представлена сочетанием причастия будущего времени и формы вспомогательного глагола прошедшего времени в дательном-местном падеже *бай-хан-да*, см. пример 7):

(6) *Дахин хахаса-ха-һаа* *ай-на-б,* *Холхой*
 снова расставаться-рс.fut-abl бояться-прс-1sg X

‘Я боюсь снова расстаться, Холхой’ (БК)

(7) *...тэндэ* *инаг нүхэр* *Дугар-та-яа* *уулза-ха*
 там любимый друг Д.-com-refl встречаться-рс.fut

бай-һан-д-аа *баяса-на.*
 аух-рс.pst-dat-refl радоваться-прс[3sg/pl]

‘(Она) радуется тому, что встретится там с любимым мужем Дугаром’ (БК)

Однако глагол *ай-* ‘бояться’ чаще управляет винительным падежом причастия будущего времени:

(8) *Урдань* *шимэ харанхы* *һүни гансаараа* *гүйлгэ-хэеэ*
 раньше такой черный ночь один мчатся-рс.fut:acc

ай-ха *һэн*

бояться-рс.fut рсl

‘Раньше (он) побоялся бы один ездить в такую темную ночь’ (БК)

Как видим, бурятский язык располагает несколькими типами конструкций, вербализующих роль Стимула-события эмоции в полной, развернутой форме (табл. 1). Корпусный анализ показал, что глаголы положительной эмоции представлены в качестве матричных предикатов во всех этих конструкциях, кроме с отрицанием и зависимым причастным сказуемым в исходном падеже. Глаголы отрицательной эмоции представлены в этих конструкциях гораздо реже, но допускаются в конструкциях с отрицанием. По всей видимости, для говорящего развернутое представление Стимула-события реакции гнева не является коммуникативно важным. Глаголы длительного страха *ай-* ‘бояться’ и кратковременного страха *сошо-* ‘вдрогнуть, испугаться’ демонстрируют различные модели управления: первый преимущественно управляет причастной формой будущего времени в исходном (*хА-һАА-*) и винительном (*-хАяа*) падежах; второй глагол сочетается в основном с причастием будущего времени в дательном-местном падеже (*-хА-дА-*), выражающем значение общей временной соотнесенности ‘когда...’, гораздо реже с деепричастиями. Кратковременный страх больше соотносится с непосредственно воспринимаемыми событиями, чем с будущими, и наоборот, т. е. глагол *сошо-* ‘вдрогнуть, испугаться’ является фактивным, а глагол *ай-* ‘бояться’ пугативным (они обозначают эмоции, возникающие в результате того, что экспериментер думает, что что-то произойдет) [1, с. 36].

1.2. Стимул-информация

К развернутым формам Стимула-информации мы относим бифинитные конструкции с изъяснительной скрепой *гэжэ*, вводящей косвенную речь:

- (9) *Баһа-л гансааран үлэ-хэ-м гээшэ*
гү *гэжэ*
снова-pcl один оставаться-pc.fut-poss 1sg pcl q
comp
зосоо-гоо мууда-на-м
внутри-refl расстраиваться-prs-1sg
'Я расстраиваюсь, мол, неужели снова останусь один' (БК)

Бурятские конструкции с косвенной речью считаем эквивалентными русским *что* — конструкциям, про которые В. Ю. Апресян пишет, «*что*-конструкция не может считаться универсальным средством выражения Стимула, поскольку она указывает только на один вид Стимулов — осознанные экспериенцером ситуации» [1, с. 39]. Поэтому данная форма Стимула-информации является самой частотной для всех рассматриваемых семантических типов эмотивных глаголов, кроме глагола кратковременного страха *сошо-* 'вздрогнуть, испугаться', семантика которого ориентирована на непосредственный Стимул. Вывод В. Ю. Апресян подтверждается тем, что глагол длительного страха *ай-* 'бояться' в 29% случаев употребления сочетается со скрепой *гэжэ*, маркирующей косвенную речь, содержащую опасение:

- (10) *Минии үгэдэ хулгай ор-уужаг гэжэ ай-на-б*
мой отсутствие вор входить-imp comp бояться-prs-1sg
'Боюсь, мол, как бы в мое отсутствие не произошло воровство' (БК)

Осознанные события и ситуации также характерны для фактивных глаголов эмоций радости и гнева:

- (11) *Түрүүлэгшэ энэ суглаан эрхим хайнаар үнгэр-жэ*
председатель этот собрание лучший хорошо про-
ходить-cvb
бай-на гэжэ баярла-на
aux-prs[3sg/pl] comp радоваться-prs[3sg/pl]
'Председатель радуется, что это собрание проходит наилучшим образом' (БК).

Однако фактивные глаголы положительной и отрицательной эмоций гораздо чаще встречаются в конструкциях с прямой речью, и в этих случаях глагол эмоции совмещает значения глагола речи и эмоции:

- (12) *Тии-гээ һаа, тонило, ши намда хэрэг-гүй-ш!*
dist-pc.prs pcl уходить:imp ты мне дело-neg-2sg
— *гэжэ сухалда-на-б*
comp сердиться-prs-1sg

'В таком случае уходи, ты мне не нужен! (букв. говоря), я серджусь' (БК)

Здесь прямая речь не является Стимулом-информацией, она заключает в себе содержание речи говорящего.

Таблица 1

	NV	-pc.fut-dat	- pc.pst-dat	-cvb	гэжэ с прямой речью	гэжэ с косвенной речью	- pc.neg	- pc.fut-abl	- pc.fut-acc
Глаголы положительной эмоции	47	50	28	22	38	11	-	-	-
Глаголы отрицательной эмоции	39	9	3	1	23	10	5	-	-
Глагол длительного страха ай-	53	2	-	1	1	41	-	15	26
Глагол кратковременного страха сошо-	83	39	2	8	5	5	-	1	-

Заключение

Таким образом, мы рассмотрели несколько возможностей синтаксического выражения единой семантической роли Стимула на уровне полипредикации, причем характер Стимула может быть различной природы — событийной или информационной. Развернутые формы синтаксического выражения Стимула-события эмоциональной реакции представлены причастно-падежными и деепричастными конструкциями, а Стимула-информации — конструкцией с изъяснительной скрепой *гэжэ*. Бурятские эмотивные глаголы демонстрируют обусловленность выбора той или иной конструкции для выражения валентности Стимула как семантикой самого глагола эмоции, так и семантикой конструкции: она отражается либо в типе модели управления, либо в частотном распределении. К сожалению, рамки этой статьи не позволяют раскрыть многие вопросы: какова семантика причастно-падежной конструкции с причастием будущего времени в дательном-местном падеже — стимул или причина; как распределяются формы выражения Стимула по остальным семантическим группам эмотивных глаголов. Для полноты исследования возможностей синтаксического выражения роли Стимула необходимо перейти на уровень простого предложения и рассмотреть Стимулы-имена, а также окончательно разграничить конструкции непосредственной и опосредованной эмоциональной реакции.

Список глосс

V — глагол, глагольная основа

N — имя

PST — прошедшее время

AUX — вспомогательный глагол

FUT — будущее время

GEN — родительный падеж

INTENS — интенсивное действие

PRS — настоящее время

CAUS — каузатив

PCL — частица

PSTP — послелог

ACC — винительный падеж	REFL — притяжание
DAT — дательный-местный падеж	POSS — личное притяжание
ABL — исходный падеж	CVB — деепричастие
INS — орудный падеж	PC — причастие
COM — совместный падеж	PL — множественное число
SG — ед. число	IMP — повелительное наклонение

Литература

1. Апресян В. Ю. Валентность стимула у русских глаголов со значением эмоций: связь семантики и синтаксиса // Русский язык в научном освещении. 2015. № 1(29). С. 28–66. Текст: непосредственный.
2. Даржаева Н. Б. Семантическая обусловленность структуры конструкций с глаголами речи // Монголоведение (Монгол судлал). 2021. Т. 13, № 3. С. 577–589. Текст: непосредственный.
3. Даржаева Н. Б. Валентностная характеристика глаголов мышления в бурятском языке // Мир науки, культуры, образования. 2021. № 5(90). С. 335–338. Текст: непосредственный.
4. Даржаева Н. Б. Валентностные характеристики бурятских эмотивных глаголов: имена-стимулы // Мир Центральной Азии-V: сборник научных статей. Новосибирск, 2022. С. 447–450. Текст: непосредственный.
5. Зализняк А. А. Многочисленность в языке и способы ее представления. Москва, 2006. С. 84–86. Текст: непосредственный.
6. Кузьменков Е. А. Глагол в монгольском языке. Ленинград: Издательство Ленинградского университета, 1984. 142 с. Текст: непосредственный.
7. Неделков В. П., Сильницкий Г. Г. Типология каузативных конструкций: морфологический каузатив. Ленинград: Наука, 1969. 312 с. Текст: непосредственный.
8. Скрибник Е. К. Полипредикативные синтетические предложения в бурятском языке. Новосибирск: Наука, 1988. 198 с. Текст: непосредственный.
9. Скрибник Е. К. Крепа гэжэ в бурятских эмотивных конструкциях // Сибирский филологический журнал. 2015. № 2. С. 36–43. Текст: непосредственный.
10. Храковский В. С. Две пары глаголов: *радовать* (НСВ) и *радоваться* (НСВ), *обрадовать* (СВ) и *обрадоваться* (СВ). Семантика и синтаксис // Труды Института русского языка им. В. В. Виноградова. 2020. № 3(25). С. 115–131. Текст: непосредственный.
11. Цыренов Б. Д. Эмотивы со значением «злость, гнев» в монгольских языках // Вестник Бурятского государственного университета. Филология. 2022. Вып. 2. С. 59–66. Текст: непосредственный.

Статья поступила в редакцию 13.04.2023; одобрена после рецензирования 20.05.2023; принята к публикации 14.06.2023.

COMBINATORICS OF THE BURYAT VERBS OF EMOTION AND SYNTACTICAL EXPRESSION OF THE STIMULUS

Nadezhda B. Darzhaeva

Dr. Sci. (Phil.), Leading Researcher,
Institute for Mongolian, Buddhist and Tibetan Studies SB RAS
6 Sakhyanovoy St., Ulan-Ude 670047, Russia
dnadezhda@mail.ru

Abstract. The article presents the results of a special study of the combinatorics of the Buryat verbs of emotion and the syntactic expression of the valence of the emotional response

stimulus. The purpose of the study is to reveal the patterns for verbs of emotion at the level of a complex sentence and their compatibility with the expanded forms of the Stimulus-event. To achieve this goal, we have solved the following tasks: observing the combinatorics of the main semantic types of emotive verbs based on corpus data, establishing the types of bipredicative constructions in which these verbs act as the main predicate, as well as the dependence of their combinatorics on semantic properties. We adhere to the concept according to which the Event, and not the Causator, acts as an emotion stimulus. In the course of the study, we have used methods of corpus analysis, linguistic observation, and description, methods of contextual and component analysis. The research allowed us to distinguish two types of incentives: event-based and informational. For groups of verbs of positive and negative emotions, as well as fear, we have described a preferred range of bipredicative constructions that play the role of Stimulus-event. The preferred combinatorics is determined both by the semantic characteristics of the verb of emotion and by the constructions themselves. The statistics of the compatibility of verbs of emotion is presented in tabular form. The undertaken study will serve as an impetus both for further study of combinatorial properties in a wider range of emotive verbs, and for inclusion of surrogated forms of the Stimulus-name in the analysis.

Keywords: Buryat syntax, emotive verbs, Stimulus-event, Stimulus-information, combinatorics of emotive verbs, valency of emotive verbs.

Acknowledgments. The research was carried out within the framework of the state assignment (project "The World of Human in the Mongolic Languages: Analysis of the Means of Expressing Emotivity", No. 121031000258-9).

For citation

Darzhaeva N. B. Combinatorics of the Buryat Verbs of Emotion and Syntactical Expression of the Stimulus. *Bulletin of Buryat State University. Philology.* 2023; 3: 33–40 (In Russ.).

The article was submitted 13.04.2023; approved after reviewing 20.05.2023; accepted for publication 14.06.2023.